

Черты южной готики в рассказе Трумена Капоте «Дерево ночи»

Южная готика – это направление, являющееся уникальным для американской литературы. С помощью приемов готического романа (символизм, гротеск, нагнетание ужаса и т. д.) писатели данного направления раскрывают социальные, психологические, философские проблемы, обращаются к быту и культуре американского Юга, затрагивают темы религии, краха, обветшания, утраты иллюзий, особенности южного самосознания и исторической памяти. В южной готике присутствует особый тип героя – «человек со странностями», одиночка, аутсайдер, маргинальная личность с психологическими или физическими дефектами, неопределенными гендерными ролями. Многие критики отмечают, что гротеск является основным приемом в изображении таких героев. Например, А. Шпигель пишет, что персонажи южной готики не замечают своих дефектов, тем самым выходя за пределы «гротескности» и превращаясь в архетип аутсайдера [1]. Их «деформирует» как упадок старых ценностей (южные традиции, мифология, ностальгический взгляд на историю и т. д.), так и влияние новых (урбанизация, индустриализация, общество потребления).

Если рассматривать южную готику в рамках модернизма, то можно сказать, что она выражает состояние экзистенциального отчуждения и страха [2], представляет картину разрушенного и иррационального мира, отчуждения и одиночества. Рассказ Трумена Капоте «Дерево ночи» (1949) не является исключением.

Все действие произведения происходит ночью, в поезде, который движется по южным штатам. Это ограниченное пространство будто ограничивает и свободу действий главной героини, девушки по имени Кей, а зимний холод создает чувство онемения и беспомощности перед лицом пугающих обстоятельств.

Готическая атмосфера в рассказе создается по принципу «воронки», описанной Дугласом Перри [3]. С каждым все более странным и пугающим событием, с каждой деталью повествования мы все быстрее движемся вниз по кольцам «воронки», нарастает напряжение, усиливается чувство страха и «концентричности». Рассмотрим приемы, с помощью которых создается подобный эффект.

Внутри поезда царит характерная для южной готики атмосфера упадка и разложения. Снаружи пейзаж также кажется безрадостным и печальным. К тому же он по принципу «концентричности» все сильнее действует на эмоциональное состояние Кей, так что в конце рассказа деревья, встающие непроглядной стеной, буквально «давят» на девушку, ограничивая ее со всех сторон.

Однако самое сильное впечатление создает неприятная пара, с которой Кей приходится ехать. Они, как и многие персонажи южной готики, кажутся одновременно и фантастическими, и убедительно реальными, добиться чего автору помогает прием гротеска. Роберт Эммет Лонг замечает, что кричаще одетая, пропахшая джином женщина могла бы быть комическим персонажем, если бы не была столь тревожащей и зловещей с ее «опасной» улыбкой и постоянной сменой манер поведения относительно Кей: то она кажется дружелюбной, то угрожающей [4].

Рассказ женщины о том, как она и ее глухонемой партнер пытаются заработать на жизнь (ездят по южным городам и устраивают шоу под названием «Лазарь», в котором женщина читает проповедь и гимн, пока мужчину погребают заживо) пробуждает в девушке ряд воспоминаний: «это память, детская память об ужасе, который когда-то давным-давно нависал над ней, как те неотвязные ветки на дереве ночи. Тетки, поварихи, гости – каждый старался вовсю, каждый хотел рассказать сказку, обучить стишкам про смерть, привидения, знамения, духов. И за всем всегда таился злой колдун...» [5].

Итак, процессу схождения вниз по «воронке», нагнетанию ужаса способствуют ограниченность пространства, прием гротеска, рассказа в

рассказе, описания пейзажа, звуков (крик ребенка во сне, отчаянный раскат гудка, прервавшийся звук гармоники), воспоминаний Кей, присутствие мотива смерти, пронизывающего рассказ, темы разложения, увядания и старины.

Южнототические черты в «Дереве ночи» служат отражением взгляда на мир как пугающее, иррациональное место, где подсознательные страхи перед насилием и смертью сочетаются также со страхом перед жизнью. Подавив детские воспоминания о колдуне, Кей не смогла полностью от них избавиться. «Она как ребенок, который живет в страхе перед темнотой, потому что, закрыв глаза на призраки, она отгородилась также от любви и жизни» [6].

Литература

1. *Spiegel A.* A Theory of the Grotesque in Southern Fiction // *Georgia Review*. 1972. Vol. 26. № 4. P. 428.
2. *Gleeson-White S.* Revisiting the Southern Grotesque: Mikhail Bakhtin and the Case of Carson McCullers // *Carson McCullers (Bloom's Modern Critical Views)*. Infobase Publishing, 2009. P. 57.
3. *Douglas P. J., Jr.* Gothic as Vortex: The Form of Horror in Capote, Faulkner, and Styron // *Truman Capote. Bloom's Modern Critical Views*. NY: Infobase Publishing, 2009. P. 43–45.
4. *Long R. E.* Truman Capote, *Enfant Terrible*. NY: The Continuum International Publishing Group Inc, 2008. P. 17.
5. *Kanome T.* Закрой последнюю дверь. СПб: Азбука, 2011. С. 250.
6. *William L. N.* The Dark Stories // *Truman Capote. Bloom's Modern Critical Views*. NY: Infobase Publishing, 2009. P. 6.